

— Младший господин, — негромко позвал дворецкий, постучав в дверь.

Из комнаты послышалось мерное шлепанье тапочек. Замок щелкнул, ручка повернулась, и в проеме показалась голова Шуй Цюэ с растрепанными после дневного сна кудрями.

— Что такое, Чэнь-шу? — сонно пробормотал он.

Увидев заспанный вид юноши, Чэнь-шу ласково улыбнулся:

— К тебе пришел друг. Принес записи и конспекты уроков, которые ты сегодня пропустил.

«Как замечательно, — подумал старик, — младший господин наконец-то завел хорошего друга»

Вообще-то гость представился просто одноклассником, но проделать такой путь ради тетрадок и навестить больного — это ли не признак крепкой дружбы? Дядя Чэнь раньше всерьез опасался, что юноша не приживется в новой школе. Сун Цинь порой заводил с ним разговоры о воспитании и характере брата, и дворецкий подозревал, что старший господин боится замкнутости Шуй Цюэ. Но на его взгляд, их младший господин был само очарование: послушный, милый, пусть и капельку изнеженный. А то, что в последнее время он немного бунтовал... что ж, для Альфы в таком возрасте это вполне естественно.

Сам Сун Цинь в свое время не посещал ни детский сад, ни начальную школу — его обучали лучшие репетиторы. Позже, когда он всё же пошел в учебное заведение ради социализации, он перепрыгивал через классы один за другим. Из-за разницы в возрасте сверстники с ним не особо ладили, да и сам старший господин рос человеком холодным и сдержанным. В этом доме никогда не бывало ни «одноклассников», ни «друзей». О шумных вечеринках по случаю дня рождения, которые так любила золотая молодежь, здесь и вовсе не слышали.

Поэтому дворецкий, впервые принимая гостя своего подопечного, был в приподнятом настроении.

— Поболтайте у себя, а я пойду подготовлю фрукты, — с улыбкой проговорил он и, отступив в сторону, направился к лестнице.

Шуй Цюэ остался один на один со своим «хорошим другом». Неловкость момента была почти осязаемой. Юноша всё еще прятался за полуприкрытой дверью, глядя на гостя с явным недоверием.

— Ты зачем пришел?

Цюй Цзючао по-хозяйски положил руку на дверь и, чуть склонившись, в упор посмотрел Шуй Цюэ в глаза.

— Принес конспекты. Не пригласишь войти?

— Давай поговорим в коридоре, а то Чэнь-шу еще чего доброго не то подумает.

Эта фраза заставила Шуй Цюэ сдаться.

— Ладно, заходи, — он нехотя отошел в сторону.

Войдя, гость окинул взглядом комнату. Спальня была просторной и светлой: кровать в углу у окна, рабочая зона с письменным столом, а в центре — уютный уголок для отдыха с низким столиком, мягкими пуфами, стеллажом со сладостями и огромным проектором. На балконе покачивалось подвесное кресло, а по бокам комнаты располагались двери в ванную и гардеробную.

И по площади, и по безупречному порядку эта комната превосходила жилища большинства Альф их возраста.

Цюй Цзючао заново оценил радушие дворецкого. Стало ясно: Шуй Цюэ вовсе не был тем забитым и брошенным бастардом, каким он его себе представлял. Напротив, его положение в семье было весьма прочным. Когда в доме правит молодой глава, отношение слуг — прямое отражение воли хозяина. У-и и Чэнь-шу искренне заботились о юноше, а значит, Сун Цинь души не чаял в обретенном брате.

Первый порыв жалости, возникший после того, как он узнал о происхождении Шуй Цюэ, угас, сменившись легким разочарованием. Мальчик не был «принцессой-золушкой», и спасать его не требовалось.

Младший господин жестом пригласил его к круглому низкому столику. Они устроились на мягких подушках. Хозяин комнаты пододвинул гостю чашку ароматного черного чая; изящный фарфор сервиза идеально соответствовал образу своего владельца.

— Сахар бери сам, — Шуй Цюэ протянул ему щипцы.

Цюй Цзючао покачал головой. Он привык к горькому вкусу. На белом блюде лежало несколько печений, одно из которых было надкусано. Можно было легко представить, как юноша, проснувшись после дневного сна, мирно пил чай, но, услышав стук в дверь, поспешно бросил печенье и побежал открывать.

Заметив, что гость пьет чай, но не прикасается к угощению, Шуй Цюэ снова пододвинул к нему блюдо.

«Чего он такой официальный? Пока не предложат — не съест?»

Хотя, когда этот человек впивался зубами в его шею, о правилах приличия он вспоминал в последнюю очередь.

Председатель поднял глаза и с иронией спросил:

— Предлагаешь мне доест за тобой?

Сказав это, он, тем не менее, совершенно серьезно взял то самое надкусанное печенье и отправил его в рот. Шуй Цюэ опешил:

— Я не просил тебя есть именно это! Там же есть целые.

Зачем было тянуться через всё блюдо именно к его куску? Это что, опосредованный поцелуй?

Увидев выражение его лица, Цюй Цзючао усмехнулся:

— Я не брезгую, а ты, получается, мной брезгуешь?

Юноша ничего не ответил. Он быстро схватил оставшееся печенье и в два счета запихнул его в рот, не давая собеседнику ни единого шанса на повторный выпад. Казалось, Шуй Цюэ всерьез опасался, что его самого сейчас «схмячат» вместе с десертом.

— Где конспекты? — перешел он к делу.

Цюй Цзючао вдруг холодно съязвил:

— А я думал, ты уже и забыл, что тебе нужно готовиться к экзаменам.

«А иначе с чего бы ты так весело проводил время, называя других парней "братиками"?»

В рюкзаке не было ничего, кроме учебных материалов, подготовленных специально для Шуй Цюэ. Из выбранных ими предметов пересекалась только биология, но Председателю не составило труда раздобыть конспекты по истории и географии у ребят из параллельного экспериментального класса. В итоге он всё систематизировал и оформил в лучшем виде.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Шуй Цюэ.

— А меня «братиком» не назовешь? — в голосе гостя прозвучала колючая ирония, пропитанная

ревностью, которую он и сам еще до конца не осознавал.

Шуй Цюэ не понял намека, но тон Цюй Цзючао ему не понравился — слишком агрессивный, разительно отличающийся от его обычной манеры. Юноша почувствовал себя неловко, и в груди шевельнулась обида.

— Ты чего вдруг так грубо разговариваешь?

Разве он чем-то обидел Председателя в последнее время? Даже шею кусать разрешил, когда тот просил. Шуй Цюэ терялся в догадках. Не желая развивать конфликт, он попытался спровадить гостя:

— Сейчас только четвертый час. Я сам посмотрю записи. Может, ты еще успеешь вернуться в школу? Как раз на последние пару уроков...

— Использовал меня и выпроваживаешь? — Цюй Цзючао сейчас походил на Омегу, которого коварный Альфа соблазнил и бросил.

— Вовсе нет! — инстинктивно возразил юноша. — Я просто... боюсь, что ты пропустишь важный материал...

— Я зачислен досрочно, — отрезал Цюй Цзючао.

Он ведь писал об этом вчера вечером. Видимо, его сообщение затерялось под лавиной писем от очередных «братиков».

— О... — Шуй Цюэ не нашелся что ответить и неуверенно добавил: — Тогда поздравляю?

Он совершенно не знал, как успокаивать Омегу, и невольно выдал классическую фразу «настоящего мужчины»:

— Перестань капризничать, я совсем не это имел в виду.

Губы Председателя сжались в тонкую линию. Эмоции закипали в нем, хотя голос оставался пугающе спокойным.

— Ты всегда такой, да? Сначала прикидываешься невинным, делаешь вид, что не замечаешь чужих взглядов, а сам при этом нагло манипулируешь чужим вниманием. В тот день ты отвел меня в медпункт. Мог бы просто пройти мимо, но зачем-то влез в мою жизнь, зачем-то спровоцировал меня.

Из-за своего синдрома феромонной зависимости Цюй Цзючао с детства ненавидел Альфа. Он слишком часто видел, как его мать-Омега, не любя отца, вынуждена была склонять перед ним свою гордую голову и молить о близости лишь потому, что болезнь требовала своего. Он поклялся себе, что никогда не станет рабом инстинктов и не подчинится ни одному жалкому Альфе.

При этом синдроме феромоны Омегы почти не ощутимы для окружающих, их может почувствовать только тот Альфа, который является «лекарством». Но для самого больного феромоны этого Альфы становятся наркотиком. Стоит один раз вдохнуть их, и возникает безумная жажда, способная довести человека до саморазрушения. В тот день в раздевалке он из последних сил сдерживался, чтобы не наброситься на Шуй Цюэ. Он не хотел превращаться в безвольную игрушку, не способную прожить без своего хозяина.

Юноша же, не зная подоплеки, не мог найти слов, чтобы оправдаться. Эти обвинения казались ему сущей нелепицей. В тот день Цюй Цзючао упал, пытаясь его поймать. Кем бы он был, если бы бросил его там? Да, он играет роль «пушечного мяса» и злодея, но не до такой же степени!

Ему не хотелось думать, что Председатель действительно считает его таким подлецом. Не умея спорить и инстинктивно избегая ссор, Шуй Цюэ вскочил с места:

— Тебе нужно успокоиться. Пойду помогу Чэнь-шу с фруктами.

Вспышка эмоций гостя напугала его, и феромоны начали непроизвольно сочиться. К тому же сегодня он поздно проснулся и не успел вовремя принять блокаторы, так что не мог контролировать инстинктивную реакцию желез. Сладкий, обволакивающий аромат гардениевого улуна поплыл из-под ворота его домашней пижамы. Он стал похож на свежий, невыразимо аппетитный десерт.

Шуй Цюэ не успел даже вскрикнуть — Цюй Цзючао железной хваткой вцепился в его лицо. Парень был намного крупнее, он буквально подавлял своей мощью. Резко опущенные брови и яростный взгляд стерли с его лица привычное благородство. Юноша вспомнил его тело, которое видел в раздевалке — крепкие мышцы на широком скелете. Сам он, всё еще по-подростковому subtilный, не имел ни единого шанса в этой борьбе.

Одной рукой Председатель сжал нежную щеку юноши, другой намертво обхватил талию, лишая всякой возможности сопротивляться.

— Пу... пусти!

Расстояние между ними стремительно сокращалось. Зрачки Шуй Цюэ расширились от испуга, и в последний момент он просто крепко зажмурился. Из-за разницы в росте ему пришлось приподняться на цыпочки. Дома он ходил без носков, и сейчас его ахилловы сухожилия напряглись, а ноги выскользнули из пушистых тапочек.

Дыхание смешалось в горячий, влажный поток. Губы Шуй Цюэ, стиснутые пальцами, покраснели и припухли. Цюй Цзючао с неистовой силой пытался разомкнуть его зубы, властно вторгаясь в рот. Грубый нажим, жадные прикосновения... У юноши онемел корень языка, сердце в груди забило в бешеном ритме. Рука, сжимавшая его щеку, переместилась на затылок, не давая отстраниться; длинные пальцы намеренно и жестко прошли по чувствительной железе на задней стороне шеи.

Послышались влажные звуки. Привкус можжевельного джина, казалось, передавался вместе с поцелуем, затапливая всё сознание. Силы оставили Шуй Цюэ. Когда Цюй Цзючао наконец отстранился, губы и подбородок юноши были влажными. Председатель принялся мелкими, частыми поцелуями осушать следы своего безумства. Шуй Цюэ привалился к нему, судорожно ловя ртом воздух, его тело мелко дрожало, словно через позвоночник пропустили электрический ток.

Цюй Цзючао немного пришел в себя, но не удержался от ледяного сарказма:

— А тебе ведь нравится, когда с тобой так обращаются, верно? Во время поцелуя ты так кайфовал, что весь дрожал...

Звонкая пощечина разрезала тишину комнаты. Очки Цюй Цзючао съехали набок, а на левой щеке начал медленно проступать багряный отпечаток ладони. Он замер, не в силах вымолвить ни слова, лишь смотрел на Шуй Цюэ. Взгляд Председателя на миг стал совершенно пустым. Мальчик стоял перед ним с покрасневшими глазами, в которых стояли слезы.

Неужели он сейчас расплчется?

[Прогресс сюжета: 60%]

[Система в восторге: Уровень оценки внезапно подскочил на 10%! Хозяин, вы просто супер!]

Все заготовленные Шуй Цюэ фразы смешались в кашу. Он всхлипнул, изо всех сил наступил на ногу Цюй Цзючао и, вцепившись в его воротник, сам впился в его губы поцелуем.

<http://bllate.org/book/15811/1427370>